

НИТИ ВРЕМЕНИ

ПРОСТРАНСТВО ПРОТИВ ЦЕМЕНТА (СВИ)

«Il Programa Comunista» n°1 1953 г.

Мы в спешке. Все хорошо?

Земля, на коре которой мы живем, имеет шарообразную или сферическую форму. Давайте на минутку отвлечемся: эта концепция, которую на протяжении тысячелетий было чрезвычайно трудно понять даже самым блестящим ученым, теперь знакома семилетнему ребенку; это показывает, насколько глупо проводить различие между легким и трудным для понимания. Вот почему доктрина, которая утверждает существование великого курса истории, совершенного огромными скачками от преемственности классов, была бы бессмысленной, если бы она позволила себе давать передовому, революционному классу только пилюли простых понятий.

В отличие от Сильвио Джильи¹, мы собираемся поставить очень и очень сложные проблемы. Но мы дадим как вопросы, так и ответы.

Шар Земли имеет диаметр около 12 700 километров, который рассчитали, измерив его живот, на это ушло 40 миллионов эталонных метров из платины, хранящихся в Париже в Международном бюро мер и весов. Как они пересекли воду? Но шутки в сторону, не будем подражать тем, кто говорит трудности ради трудностей, чтобы мы воскликнули: какой культурный автор!

---

1 Радиоведущий того времени.

Вы просто ничего не понимаете! Эта тьма - основа славы 99% великих людей.

Далее с помощью небольшого расчета (уровень четвертого класса) мы устанавливаем, что поверхность Земли составляет 500 миллионов квадратных километров. Моря занимают более двух третей, и для прогулок по суше остается только 150 миллионов. Среди них полярные шапки, пустыни, очень высокие горы, и поэтому предполагается, что человеческому роду — единственному виду, который теперь живет во всех областях сферы вместе со своими домашними животными - осталось лишь 125 миллионов.

Поскольку сегодня в книгах говорится, что «нас», человеческих животных, сующих повсюду нос, около 2500 миллионов, то ясно, что в среднем у нашего вида есть один квадратный километр на каждые двадцать представителей.

Поэтому в школе мы говорим: средняя плотность населения на обитаемой земле: двадцать душ (фактически мы не считаем трупы мертвых, которых намного больше) на квадратный километр.

Итак, у нас есть представление о двадцати людях; что касается квадратного километра, то его несложно представить. Когда мы находимся в Милане, то это пространство, которое занимает парк между Арко дель Семпионе и Каstellо Сфорцеско, включая Арену. Поскольку 50 тысяч человек толкаясь занимают стадион «Арены» во время больших футбольных игр, квадратный километр может вместить компактную толпу (митинги Муссолини, Тольятти и других) в пять миллионов душ (едва ли), что больше, чем общая численность населения Милана, Рима и Неаполя, и в 250000 раз больше средней плотности на Земле.

Поэтому если бы двадцать несчастных средних символических людей стояли на пересечениях сети равных ячеек, они были бы на расстоянии 223 метра друг от друга. Они даже не могли бы разговаривать друг с другом. Беда, будь они говорливыми сплетницами, а тем более, депутатами в парламенте.

Но человек не пригвожден к земле, как деревья, и при этом он не собирается в колонии, как мадрепоры², о которых мы говорили в прошлый раз, и, передвигаясь тысячами способов, человек очень неравномерно располагался в различных пространствах, на которые разделена кора планеты.

В Италии плотность населения составляет 140 человек на квадратный километр, что в семь раз выше, чем средняя плотность. Самая густонаселенная провинция - Неаполь: 1500 человек на квадратный километр, что в 55 раз превышает средний показатель по Земле. Страны с самой высокой плотностью в Европе (и в мире) - это Бельгия, Голландия и Англия (исключая Шотландию), их национальный показатель колеблется в районе 300 человек на квадратный километр, то есть в 15 раз превышают среднюю плотность. Европейские страны с самой низкой плотностью — это Швеция, Норвегия и Россия (европейская часть): 29 жителей на квадратный километр, чуть больше, чем в среднем в мире.

Плотность различных континентов составляет 53 в Европе и 30 в Азии. Но затем наблюдается впечатляющий спад ниже среднего: в Центральной и Северной Америке: 8,5; Африка: 6,7; Южная Америка: 6,3; Австралия-Океания: 1,5. Это в тринадцать раз меньше среднемировой плотности.

Плотность в Соединенных Штатах составляет 19, что ниже, чем в европейской части России (т.е. до Урала и Кавказа). Это полностью совпадает со средним показателем по Земле: поэтому они хотят себе всю планету?

Тем не менее, в США население крайне неравномерно распределено: даже без учета небольших районов оно уменьшается от 0,5 в пустыне Невада до 240 в изобильном Нью-Джерси, что немного меньше, чем в Ломбардии.

Наконец, следует отметить, что плотность населения в РСФСР, в которую входит и Сибирь, составляет всего 6,8. Что касается СССР в целом, то его плотность составляет 9 человек на квадратный километр, а самой густонаселенной федеративной республикой

---

² Мадрепоры - каменистые кораллы, образующие острова и рифы.

является Украина, расположенная на западе, с 70 жителями на квадратный километр.

Человеческие улы

Если мы пренебрегаем «рассеянным» населением, в основном сельским, и если мы примем во внимание только людей, которые «агломерированы» в городах, то можем наблюдать, как мы уже отметили, скачок в плотности, цифры в городах примерно в тысячу раз выше, чем в среднем в мире: как говорят ученые, мы переходим к другому порядку. Нетрудно понять, что население в сельской местности, рассматриваемое изолированно, в каждом районе, большом или малом, наоборот, менее плотное, чем в среднем.

С другой стороны, пересчет рассеянного населения и агломерированных людей, скажем, в мире или в Италии, является наиболее сложной проблемой. Даже если мы сложим население городов, которые превышают определенный произвольно выбранный порог, скажем, 5000 жителей, вывод искажается из-за того, что у нас есть данные по муниципалитетам. Например, в Риме, где муниципалитет намного больше города, эта цифра включает в себя рассеянную часть населения. С другой стороны, в Лондоне, где муниципалитет намного меньше города, эта цифра включает в себя все агломерированное население, и поэтому население «Большого Лондона» должно быть добавлено полностью или частично. Дикое предположение: если рассматривать весь мир, мы можем сказать, что пятая часть населения живет в городах, в то время как в Центральной Африке отношение городского населения к общему будет равно нулю, а в Бельгии, по крайней мере, половина.

В любом случае, вот новые цифры, которые, учитывая новый порядок величин, обычно выражаются по отношению к гектару, но которые мы будем продолжать давать по отношению к квадратному километру (т.е. в сто раз больше). В «Большом Лондоне» (который все еще расширяется за счет проектов, осуществляемых в соответствии с системой городов-спутников, каждый из которых насчитывает около 50 000 жителей и находится на среднем расстоянии двадцати километров от исторического центра), население составляет восемь с половиной миллионов жителей на

600 квадратных километров. Плотность: 14 000. Помимо грязных еврейских, китайских или итальянских кварталов, вы все еще можете дышать в остальных частях Лондона. Самый загруженный город в Италии, Неаполь, имеет городскую территорию 800 гектаров, или 8 квадратных километров, с населением не менее 600 000 человек из числа жителей административного муниципалитета, который состоит из соседних муниципалитетов: плотность достигает почти нечеловеческого показателя в 75 000 жителей на квадратный километр, или в 3750 раз больше среднего показателя по Земле. Даже если мы рассмотрим только муниципалитет Неаполя с его 12 традиционными районами и, следовательно, без учета «деревень», плотность по-прежнему составляет 45 000 жителей на квадратный километр, что в три раза больше, чем в Лондоне. Если мы рассмотрим абстрактную модель, подобную городу XIX века, с пятиэтажными жилыми домами и довольно широкими улицами, занимающими четыре десятых общей площади, простой технический расчет показывает, что каждый местный житель или «комната» занимает около 5 квадратных метров «крытой» площади и 3 квадратных метра «городской» площади³. Однако только одна из трех комнат используется для жилья; в среднем (в Италии) каждая комната вмещает полтора человека (например, семья из шести человек имеет четыре комнаты). Таким образом, у каждого жителя, можно сказать, около 16 квадратных метров в компактном городе, что с гигиенической точки зрения едва терпимо. Поэтому у нас плотность 60 000 жителей на квадратный километр. В местах садов, парков и т.д., помимо улиц и площадей, плотность улучшается, то есть сокращается.

Таким образом, исторический процесс, который с тысячами аспектов согнал людей в городах в развитых странах, привел их от средней национальной плотности в 200 (Центральная Европа более густонаселенная: в десять раз больше всей Земли по этому показателю) к городской плотности, которая в лучших гипотезах,

---

3 Этот расчет основан на средней площади 25 квадратных метров на комнату. Для 5-этажного дома 5 соприкасающихся комнат занимают 25 квадратных метров на (крытом) этаже, то есть 5 квадратных метров на комнату. Поскольку дороги занимают 4/10 от общей площади, правило трех показывает, что 5 квадратных метров крытой площади соответствует 3,3 квадратных метров («городских») дорог. Каждая комната в 25 квадратных метров соответствует 1,5 жителям, поэтому каждый житель имеет в среднем 16 квадратных метров жилой площади.

истинных городов-садов, превышает 20 тысяч человек на квадратный километр (в сто раз больше, чем у нации, в тысячу раз больше, чем у Земли).

Мы знаем, что происхождение этого накопления почти полностью связано с последствиями капиталистической эпохи. Докапиталистические режимы фактически довольствовались немногочисленными и ни в коем случае не огромными столицами, господствующими над множеством сельских деревень.

Но капитализм не желает останавливаться, и на самом деле в этой области, как и во всех других, он не может остановиться. Данный факт определяется очень важным явлением. На самом деле учитываются только количественные показатели, а не качественные политические и пропагандистские ярлыки. Все, что уменьшает пространство человека, является капитализмом.

La Cité Radieuse (Лучезарный город)

Были и те, кто думал и, к сожалению, работал, не покладая рук; мистер Шарль-Эдуард Жаннерет из Женевы, по профессии архитектор. Кто он? На мгновение вы тоже его знаете: великие люди меняют свои имена, и то, что резонирует во всем мире, это Ле Корбюзье.

Гражданин Ле Корбюзье принадлежит к той категории интеллектуалов, которая сама по себе представляет собой отдельное явление, достаточное, чтобы запятнать те партии, которые когда-то называли себя пролетариями и коммунистами. Действительно, о нем и, что еще хуже, о его методах и теориях очень много пишут в советской прессе и во всех газетах и журналах, которые проецируют её в мире, точно так же, как о нём трубили в фашистской и нацистской прессе в прошлом. Кроме того, всюду поощряются подражание ему и применение его стиля, некоторые из которых составляют очарование огромной Москвы, дочери десяти различных типов человеческих организаций, которая суверенно простирается над грандиозными пространствами, и господствующая сила которой всегда находилась в расстоянии и пространстве, низком и тонком строительстве, пожар которой остановил

отравленную волну капитализма, победив Бонапарта на реке Березина.

Сегодня Москва может сделать не меньше, чем достойный конкурент Нью-Йорка. Но небоскребы и параноя а-ля Ле Корбюзье - это не одно и то же. Не следует верить, что двенадцать миллионов жителей Нью-Йорка в своем городском созвездии чувствуют тесноту больше, чем жители Лондона, несмотря на большую высоту зданий. В тридцатиэтажном здании, во-первых, соотношение между квартирами и офисами составляет не 1 к 3, а 1 к 10 или 20; максимальная высота достигается только в узком шпиле, улицы как минимум в десять раз шире, чем в типичных городах Европы XIX века, чьи «показатели» переполненности, которые мы вычислили выше. Каждый житель Нью-Йорка имеет в своем распоряжении небольшую квартиру, а не две трети комнаты и т.д.; так что, в конце концов, плотность остается той же самой, и не выходит за пределы упомянутых 20 000 на квадратный километр, и без сомнений превосходит 14 000 «Большого Лондона».

Мы прочли блестящее описание здания, которое Ле Корбюзье спроектировал и возвел под своим руководством в Марселе. У автора описания есть несколько эффективных формул. Например, когда он говорит, что в 330 ячейках для 1600 арендаторов «пространство дороже урана», и это не преувеличение, а последовательный способ излагать доктрину Корбюзье: *«Ле Корбюзье предвидит своими зданиями светлое будущее человечество, которому некуда расширяться в своём удобстве»*. *«Его архитектура - мучительная борьба с лишним, тревожная гонка за завоевание пространства для жизни»*.

Однако, помимо впечатлений и оценочных суждений, на которые могут повлиять предрассудки писателя, для нас важны, как мы уже говорили, цифры. Здесь любители слухов могут узнать, как количество превращается в качество, но не в призме классово-партийных отношений.

Принцип сверхэксплуатации пространства заходит так далеко, как и эти бездумные тенденции: наслаивание зелени городских садов (а завтра пшеничных и картофельных полей!), путей

сообщения и крытой площади вертикальных зданий в одном и том же месте.

Вертикализм — вот как называется это искаженное учение; вертикалистский капитализм. Коммунизм будет «горизонталистским». В императорской диктатуре Гай Юлий советовал отрезать головы «высоким макам»⁴; в пролетарской диктатуре целесообразно делать то же самое не только с головами, но и с этими высокими постройками. Мы могли бы уважать Микеланджело или Бернини и, может быть, буржуазного Эйфеля или Антонелли, но, конечно, не «демократического» Жаннере.

Человек или сардина?

Итак, первый прототип того, что уже не является домом, а unité d'habitation (жилой единицей), которая должна стать соседством, на приподнятом грунте земли, в солнечном и средиземноморском Марселе, опирается на 36 голых столбов, под которыми, поскольку там нет стен на первом этаже, находится уличный переход и так называемый сад. Официальные идиоты ошеломлены этим, но технически это «осознание» (великое слово реакционеров, для которых все действует принцип prius in intellectu: сперва в более или менее извращенных головах, а затем на деле, то есть в мерзкой и пассивной материи) находится в пределах досягаемости любого хорошего мастера-каменщика, у которого в кармане 100-страничное руководство (мастер-каменщик, со своей стороны, респектабелен). Этот прямоугольник, размещенный на 36 столбах, мы оцениваем примерно в 800 квадратных метров: если у кого-то есть какие-либо возражения, пожалуйста, пришлите нам план и высоту этого здания. Над пустым первым этажом находятся не девять привычных этажей, а девять улиц или квартир-коридоров, где каждый кубический дециметр предназначен для размещения мебели, посуды и, наконец, в качестве пространства для использования жителем, который должен остерегаться превышения выделенных планом размеров. Есть соблазн иронично пошутить о предполагаемой операционной,

---

4 Итальянское выражение, эквивалентное «большим шишкам».

где уменьшают размеры людей, которые слишком высоки или широки...

На девяти этажах расположено 330 камер для 1600 жителей, где установлены строгие правила использования индивидуальных и общих помещений. Не будем останавливаться на аспектах обустройства и жизни обитателей здания, которые вышеупомянутый журналист весело называет позолоченной тюрьмой, серой лачугой и кораблём-призраком. Вспомним эту цифру: согласно проекту, здесь проживает 1600 жителей. Заставить 1600 дураков заселиться на 800 квадратных метров означает снижение с 10 квадратных метров крытой площади на одного жителя до половины квадратного метра! Но будем осторожны и предположим, что не все единицы будут жилыми, и что будут единицы для работы и общественных услуг, и поэтому житель займет пространство в полтора метра (будем ясны: есть девять, говоря по-старому, этажей, и у каждого жителя есть около пяти квадратных метров для себя, бытовой техники и мебели).

Таким образом, мы могли бы достичь 650 000 человек на квадратный километр. Но если мы отведём 30% на улицы и площади - при условии, что искусственное освещение и кондиционирование воздуха все еще не позволяют привести различные параллелепипеды в непосредственный контакт друг с другом, заблокировав двери и окна - мы снизим до 400 000 жителей за квадратный километр. Если мы даже планируем создать огромные пустые пространства и парки, то Ле Корбюзье, отличному укладчику, все равно удастся разместить 200 000 двуногих на квадратный километр.

Итак, природа дала человечеству достаточно земли, чтобы двадцать человек прекрасно себя чувствовали на площади в один квадратный километр.

Цивилизация и история пожелали, чтобы мы в развитых странах ужали эту плотность в десять раз. Предположим, мы все равно можем говорить о прогрессе.

Но организация городского типа установила, что самые богатые и продвинутые люди в области культуры и мудрости встретятся в городах, где они будут в тысячу раз ближе друг к другу!

Капиталистическая мания скопления людей-сардин не остановилась на этом; Ле Корбюзье, преднамеренно закрыв глаза, говорит не о необитаемых пустынях Канады или Австралии, а о просторах зеленых полей зерновых культур, которые сами по себе являются источником этой жизни. И полноту жизни Ле Корбюзье и его подражатели (по их словам) обеспечивают, желая замуровать еще как минимум в десять раз больше. Таким образом, заставляя жителей утопать в плотности в десять тысяч раз больше, чем в среднем на Земле, возможно, они думают, что такое соотношение будет способствовать размножению человеческих муравьев!

Любой, кто аплодирует таким тенденциям, должен считаться не только защитником капиталистических доктрин, идеалов и интересов, но соучастником патологических тенденций высшей стадии капитализма в упадке и распаде, который благодаря своим наукам и техникам и их способности преодолевать все препятствия, основывает города на человеческих экскрементах (как сказал Энгельс) и намеревается организовать человеческую жизнь таким «функциональным» образом, что жители этой ультрарациональной системы больше не смогут отличать ванну от канализации.

Революционная борьба за уничтожение ужасных растущих агломераций может быть определена следующим образом: коммунистический кислород против капиталистической выгребной ямы. Пространство против цемента.

Стремление к уплотнению возникает не из-за нехватки места. Несмотря на плодовитость человека, которая также является дочерью классового угнетения, пространство изобилует повсюду и во всех смыслах, стремление к уплотнению является потребностью капиталистического способа производства, который неумолимо продвигает поиски труда людских масс.

Вчера

Экономия на «постоянном капитале»

Поскольку мы пишем, не чтобы опьянеть от творческого духа, а потому что находимся на службе партийной работы, то должны, как обычно, сделать перерыв, чтобы доказать, что не начинаем новый

дискурс или даже не открываем новый закон истории, а твердо идем по стопам устоявшейся доктрины.

Маркс, описав в первом томе «Капитала» процесс капиталистического производства, который, хотя и сформулирован в более широком социальном и историческом поле, представляет прежде всего классовые отношения между капиталистами и рабочими внутри одной фирмы; и после изучения во втором томе процесса обращения капитала, то есть его воспроизводства посредством той части промышленных товаров, которые не идут на прямое потребление, но являются инструментами дальнейшего производства, он сталкивает нас с третьим и неполным томом «процесс капиталистического производства, взятый в целом», который приводит к «конкретным формам», которые действительно встречаются в обществе, как *«воздействие разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»*⁵.

Разумеется, экспозиция должна была закончиться главами, которые, как мы часто говорили, рассматривали бы вопрос о «политическом» действии борющихся классов и сознании коллективных действий как конечного эффекта и надстройки всего остального.

В пятой главе, прежде чем приступить к установлению закона тенденции средней нормы прибыли к понижению, Маркс рассматривает вопрос первостепенной важности: экономии (сбережения) в применении постоянного капитала.

Диалектически (это один из моментов, которые Сталин неправильно изложил, если вообще правильно понял в своем знаменитом тексте), капитал, как и любой капиталист, делает все, чтобы поднять свою прибыль, а следовательно, и норму прибыли⁶.

---

5 Капитал том III, глава 1.

6 В «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталин утверждал, что ложно, что «закон средней нормы прибыли» (sic) является «фундаментальным законом современного капитализма», потому что «современная монополия» капитализм требует не средней прибыли, а максимальной прибыли. Следовательно, «основной закон современного капитализма» стал законом «максимальной прибыли». Тезис Сталина (который показывает плохое понимание марксистской теории) был опровергнут в тексте «Диалог со Сталиным».

Если капиталистическое общество хотело бы или могло бы противостоять открытиям и изобретениям, которые увеличивают производительность человеческого труда, то только тогда капиталистическое общество смогло бы избежать падения нормы прибыли, одновременно непропорционально увеличивая число эксплуатируемых пролетариев без непрерывного увеличения потребления (см. «Диалоги со Сталиным», третий день). Но неспособный на это капитал борется другими средствами, чтобы задержать и замедлить снижение нормы прибыли, однако накопление и концентрация хорошо созвучны с неограниченным увеличением общей массы прибыли и нормы прибыли на предприятии.

В каждой фирме прибыль капитала представляет собой разницу между ценой продажи всех произведенных товаров (например, за год) и их издержками производства или ценой производства. Поэтому капитал старается продать всё по высокой цене и снизить издержки производства. В дальнейшем Маркс будет иметь дело с эффектом изменения рыночных цен; на данный момент, однако, он обсуждает только цену производства.

В марксистской теории издержки производства делятся на две части: переменный капитал, который представляет собой авансированные расходы на всю заработную плату, и постоянный капитал, который представляет собой суммы, потраченные на приобретение сырья и поддержание эффективности работы заводов, машин и т.д. Мы не говорим здесь об очевидном способе увеличения прибыли, а именно о снижении заработной платы, и, более того, это не общая тенденция капитализма, по крайней мере, в фазе, наступившей после десятилетий самой жестокой эксплуатации. Исторически сложилось так, что заработная плата работника увеличивается в текущих цифрах и даже в реальных значениях, выраженных в необесцененной валюте, например в лирах или в долларах 1914 года; но если её измерить в среднем времени общественного труда, то она уменьшается, хотя уровень жизни работника вырастает, поскольку повышение производительности труда, в техническом плане снизило стоимость, если не цену, всех товаров, которые потребляет работник. Но к этому вопросу мы обратимся позже.

На данный момент давайте предположим, что цена продажи и цена рабочей силы остаются неизменными: очевидно, что капитал будет пытаться снизить стоимость постоянной части затраченного капитала. Существуют не только различные способы достижения этой цели, но и решающая тенденция капиталистической экономики движется в этом направлении.

Маркс откладывает первый путь: удлинение рабочего дня за равную оплату (даже если зарплата увеличивается пропорционально или сверхурочные оплачиваются по более высокой ставке). В этом случае, фактически, если вы, конечно, не экономите на сырье, вы экономите на использовании машин и зданий, сокращая продолжительность «оборота», то есть продолжительность производственного цикла, за который они работают. Следует отметить, что одним из средств, часто используемых капитализмом для достижения такой экономии, является введение непрерывных рабочих смен, которые, например, предотвращают охлаждение печей, экономят энергию и, следовательно, прибыль.

Тройной паразитизм

Но даже если предположить, что работникам удастся противостоять любому, даже оплачиваемому, увеличению рабочего времени, есть три других способа сокращения расходов на постоянный капитал:

1) Увеличение или регруппировка компании. Сам факт объединения ранее изолированных друг от друга работников - даже если в рабочую технику не вносятся изменения - приводит к огромной экономии: строительство одного рабочего места, экономия на освещении, обогреве и других накладных расходах и т.д. Даже если остаются ручные инструменты, те же бесчисленные маленькие кузницы, разбросанные вокруг, то они представляют собой огромное рассеивание тепла по сравнению с одной большой кузницей, обслуживаемой армией фальсификаторов; и можно вспомнить сотни других примеров. *«Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как своё существенное условие, сосредоточение и совместную деятельность рабочих, т.е.*

общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно»⁷.

2) Утилизация экскрементов, отходов любого производства, которые, таким образом, становятся сырьем для дальнейшей переработки (побочных продуктов), поскольку теперь они доступны в больших количествах, тогда как в случае мелкого производства их просто выбрасывали. Это является источником экономии на производственных затратах и, следовательно, источником капиталистической прибыли, которая также является следствием исключительно общественного характера труда.

3) Техническое совершенствование благодаря новым изобретениям, внедрение новых машин и т.д. на предприятиях других отраслей, которые производят по более низкой цене сырье, машины, установки, необходимые для данного предприятия. Прогресс обусловлен самим фактом массового производства, которое стимулирует человеческий интеллект и побуждает его решать технические проблемы, бесполезные для мелкого производства, но приносящие не общественную выгоду, но пользу капиталу.

«Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной неуклонным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в одной отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в другой отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Такое развитие производительной силы в конечном счёте всегда сводится к общественному характеру действующего труда, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественных наук. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие

производительной силы труда не в данной отрасли промышленности, а в той, которая доставляет ей средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли»⁸.

Мы приглашаем прочитать эти важные цитаты тех товарищей, даже из лучших, которые сводят антагонизм интересов к простой дуэли между капиталистом и его рабочим за более высокую или более низкую заработную плату, и которые таким образом ограничивают этот антагонизм в рамках самой фирмы. Антагонизм между социальными классами фактически основан на совершенно ином присвоении: то, что капитал достигает в гораздо больших масштабах, превращая в свою исключительную сферу все растущие доходы от улучшенной общественной деятельности, вытекающей из комбинации работников и сокращения среднего рабочего времени, содержащегося в продуктах. Если прибавочная стоимость была бы устранена напрямую, то рабочий мог бы работать только шесть часов вместо восьми; но если мы принимаем во внимание рост социальной эффективности, то с рационализацией всех отходов ранее разрозненного производства и введением грандиозных технических изобретений, нужно будет работать всего один час в день.

Где нанести удар

И это именно та область прибавочной стоимости, которая будет отнята у капиталиста, но не передана рабочему, который должен будет вносить вклад в услуги общей организации. Поэтому завоевание будет происходить не в данной зоне, а в социальной организации, которая теперь будет ориентироваться не на прибыль от капитала, а на улучшение условий живого труда. В социалистическом обществе, по правде говоря, рабочий будет отдавать обществу только «прибавочный труд»; в то время как его «необходимый труд» будет сокращен из-за увеличения технической

мощи, из-за десяти стальных рабов, которые каждый из нас мог бы иметь сегодня, тогда как всего столетие назад у нас их не было.

Сегодня, напротив, капиталистическая система считает, что все эти бесконечные ресурсы присущи капиталу, что они являются собственными добродетелями капитала, и что рабочий совершенно чужд условиям реализации труда. Капиталист, и недалёкие марксисты ему вторят, видит в размере заработной платы «единственную сделку» между собой и своим рабочим. Поэтому последний должен интересоваться не сбережениями, сделанными на применении постоянного капитала, а только теми, которые можно попытаться сделать на выплате переменного капитала, денег, выплаченных за месяц. Фактически, чтобы сэкономить на всем, капитал экономит прежде всего на безопасности и гигиене условий труда человека. Что возвращает нас к нашей теме: город и деревня, цемент и пространство, канализация и кислород.

«Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках, к нагромождению опасных машин в одном и том же помещении и отсутствию приспособлений, предохраняющих от опасности, отсутствию мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые сделали бы для рабочего процесс производства более человечным, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на всё своё скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли [Хэй-хэй, Москва, ты слышишь?!] и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причём для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты»⁹.

Из этой мощной главы «Капитала», имеющей программную сущность (она не для легкого чтения в парикмахерской, где лучше спросить последний выпуск «Selezione»), теперь мы процитируем только вывод:

«Издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, ex suis ossibus. Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своём большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и т. п. достаются по более дешёвым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всех новых достижений всеобщей работы человеческого ума и их общественного применения, осуществляемого комбинированным трудом, в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала»¹⁰.

Таково описание, достойное резца Микеланджело и сделанное до наступления этого проклятого века, который раскрывает свое величие в культе торжествующего зверя.

Сегодня

Инфляционные методы

Если небольшие реформистские законы что-то изменили в организации фабрики, наложив на капиталиста определенные обязанности по расходам на безопасность, которые он компенсирует в сто раз больше в другом месте, то приведенная выше концепция Маркса особенно эффективна, если мы применим её к «урбанистике». Экономия на побочных расходах является преступным мотивом, который капиталист регулярно и в достаточной мере утверждает, и который глупо повторяется их картонными противниками, чьи репризы мелодии очевидно оплачены. Возле крупных и в самых больших городах между жилищ, чья плотность растет неистовыми темпами, с приклеенными или

---

¹⁰ Капитал том III, глава 3.

окруженными фабриками из-за непрерывного роста населения и урбанизации, забиваются отложения вредных и взрывчатых веществ и военных устройств, в основном из-за скопления в городских районах сортировочных станций и складов, портов, аэропортов и других служб. Происходящие в результате несчастные случаи являются частью ежедневной хроники, которая принимает особенно садистский оборот в начале 1953 года, когда была зарегистрирована целая серия бедствий, к сожалению, далёкая от полного завершения. Этой ситуации благоприятствуют легкость и высокомерие технических бюрократов, которые усиливаются в пугающем крещендо от войны к войне, которые сотрудничают с ними. И сама война больше не кажется столь опасной, когда производство и жизнь сами по себе тонут в крови. Также не понятно, что единственной мерой в противоположном направлении является сужение! Расширение расстояний между различными службами и, по крайней мере, остановка постройки новых монстров в сердце населенных пунктов и промышленных зон не принесло никакой реальной цели. Даже урока ковровых бомбардировок и ковентризации¹¹ было недостаточно для этого.

Капитал освободил крепостных, которых феодальный вассал прибил к земле, если крепостное право было серьезным унижением человеческого достоинства, то тем не менее оказалось превосходной формулой для сохранения, например, единой территориальной плотности во Франции. Крестьяне были вынуждены оставаться на месте, но именно там, где они могли есть, спать и иметь столько места, сколько им нужно. Урбанизация отвечала потребностям безудержного производства и исторического завоевания «комбинированного труда». Поскольку производство состояло из огромной комнаты с рабочим местом для каждого ремесленника, было ясно, что ничего больше не оставалось, и что толпа неисчислимых рабочих, помещенная в малое пространство для работы, обитания и жизни, позволяла производить гораздо большее богатство. Когда уровень жизни наемных работников стал хоть на кроху выше, чем у ремесленников и

---

11 Намек на массированные бомбардировки городов, начатых во время Второй мировой войны, одной из первых жертв которой стал английский город Ковентри.

сельских простаков, громадная масса прибыли использовалась главным образом для расширения и украшения городов: если при старом режиме достаточно было королевского дворца, то при новом правящему классу требовалась сотня различных мест для проведения своих штаб-квартир и развлечений.

Но все бесчисленные технические изобретения, которые последовали за этим, безусловно, не привели к дальнейшему увеличению числа операторов в небольших местах. Наоборот. Если бы мы искали индекс, определяемый как «технологическая плотность», определяемая количеством рабочих, которые должны быть собраны в данном пространстве для данного производства, то мы бы увидели, что общий закон состоит в том, что эта плотность имеет тенденцию к снижению.

В механической промышленности огромное количество операций, которые выполнялись группами рабочих и рядом специализированных работников, упрощается за счет использования автоматических механизмов или дистанционного управления немногими операторами панелей управления. Площадь заводов Fiat выросла больше, чем число рабочих, а производство выросло еще больше.

Маркс уже смог описать революцию, которая случилась в текстильной промышленности после замены ручного ткацкого станка на механический, что привело к резкому сокращению числа рабочих для того же количества шпинделей. В настоящее время на мукомольных фабриках у нас есть механические мельницы, где все инструменты обслуживаются одним оператором, от заливки пшеницы в бункеры до выгрузки мешков с мукой. И так далее.

Даже на пахотных землях, когда трактор заменяет лопату или плуг, запряженный животными, количество фермеров на одной и той же ферме и на той же площади обрабатываемой земли резко сокращается.

И, наконец, еще один пример можно извлечь из навигации. На триремах и галерах, кораблях в несколько десятков тонн, находились сотни и более гребцов, рабов или преступников, прикованных к скамьям. Сегодня для управления

трансатлантическим лайнером необходимо гораздо меньше персонала, чем было на древних парусных кораблях.

Координируй, а не задыхайся!

С внедрением изобретений и огромным ростом производительности труда координация многих операторов сохраняется, но у нее больше нет причин быть чудовищной толпой соприкасающихся локтей. Это верно даже для войны! В конце концов, Фурье и Маркс не ошиблись, определив фабрики как тюрьмы, глупые гимны которым с тех пор не раз пели так называемые защитники рабочих, сравнивая их с сельским производством, которое хоть и мучает (даже в древних формах) мышцы, но не отравляют легкие и печень.

Самые современные формы производства с использованием сетей станций всех видов, таких как гидроэлектростанции, коммуникации, радио, телевидение, все в большей степени обеспечивают уникальную рабочую дисциплину для рабочих, рассредоточенных небольшими группами на огромных расстояниях.

Комбинированный труд сохраняется во все более и более изумительных переплетениях, а автономное производство все больше и больше исчезает. Но упомянутая выше технологическая плотность постоянно снижается. Таким образом, городская и производственная агломерация сохраняется не по причинам, зависящим от оптимума производства, а из-за продолжительности экономики прибыли и социальной диктатуры капитала.

Когда после насильственного подавления этой диктатуры, которая становится все более непристойной с каждым днем, можно будет подчинить каждое решение и каждый план улучшению условий живого труда, формируя для этого то, что является мертвым трудом, постоянным капиталом, инфраструктурой, которую человечество отдавало на протяжении веков и продолжает отдавать земной коре, тогда грубый вертикализм цементных монстров будет высмеян и подавлен, а на огромных просторах горизонтального пространства гигантских городов, когда-то вытесненных, сила и разум человека-животного будут постепенно стремиться сделать

плотность жизни и плотность труда равномерной на всей пригодной для жизни земле; и эти силы отныне будут в гармонии и больше не будут жестокими врагами, сдерживаемыми лишь призраком рабства и голода, как в сегодняшней деформированной цивилизации.